

Концепция воспитания в философии А. Шопенгауэра

*Л. П. Буюва (Институт философии Российской академии наук)**

The conception of upbringing in the philosophy of A. Schopenhauer

L. P. Bueva (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: Философ А. Шопенгауэр развивает идеал естественного воспитания, которое он противопоставляет искусственному. Начинать воспитание следует не с понятий, как это обычно происходит в системе образования, а того, чтобы познакомить обучаемого с окружающим миром. Дети должны познавать мир по оригиналу, а не через копии.

Ключевые слова: воспитание, интеллект, понятие, наглядные представления, окружающий мир, понимание, познание, память, индивидуальный подход.

Abstract: The philosopher A. Schopenhauer develops the ideal of natural upbringing, opposing it to artificial one. Upbringing should begin not with notions, as is usually the case in the educational system, but with acquainting the learner with the surrounding world. Children should get to know the world in the original, not through copies.

Key words: upbringing, intelligence, notion, visual representations, surrounding world, understanding, cognition, memory, individual approach.

Шопенгауэр объявил войну рационалистической традиции. Разве Европа после войн Наполеона свидетельствовала о том, что в истории правит разум? Почему миллионы людей находятся во власти пессимизма, печали, меланхолии и нет убедительных манифестаций диктата сознания? Шопенгауэр отталкивался от Канта и от европейского романтизма, в котором был раскрыт неизмеримый потенциал творческой фантазии. Философ воспринимался как гений, пророк и учитель. Шопенгауэр испытал также огромное влияние восточной философии. В религиях Востока он разглядел иные истоки жизни, нежели в наследии Гегеля. Именно в буддизме он почерпнул главную мысль, что сущность мира есть слепая и бессмысленная воля и что всякое бытие по существу своему есть страдание.

Европейскому рационализму он противопоставил иррационализм, то есть торжество слепой веры, жизненных побуждений, культ абсурда. Все это стало платформой для дальнейшего развития философии жизни. Новая философия обратилась к жизни как первичной реальности, целостному органическому процессу, который вообще предшествует разделению мира и

* Буюва Людмила Пантелеевна — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (495) 697–89–96.

духа, бытия и сознания. Вот почему в философии Шопенгауэра впервые в европейской традиции первенство отдается не разуму, а воле.

Каковы же основы его учения? Воля – это неизменное вожделение бытия. Пока она существует, сохраняется и Вселенная. Хотя она и вездесуща, но наиболее отчетливо проявляется в человеке и в человеческом сознании. Человек становится стержнем, осью всего, что есть во Вселенной.

Шопенгауэр по существу стал родоначальником философии жизни. Перефразируя известное выражение, можно сказать о нем, что он стал «шинелью» для философии последующих поколений, от Ницше до экзистенциализма и современного постмодернизма. Философия жизни повлияла на творческую деятельность и культуру в целом. Оно возвестило по сути дела закат культуры. В романах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого влияние Шопенгауэра обнаружилось в исследовании глубинных мотивов человеческого поведения, в глубоком изучении внутреннего мира человека (Гуревич, 1990).

Воля – это сила, благодаря которой появляются существа, живущие в пространстве и времени. Воля есть то, что еще не свершилось, но уже стремится к существованию, становится бытием, реализуется во множестве разных воплощений. Сама она, по словам Шопенгауэра, не подчинена законам пространства и времени и не может быть познана. Но ее реальные обнаружения интеллект способен воспринимать.

Воля первична по отношению к интеллекту. Она – госпожа, а он – ее орудие. Интеллект можно сравнить с фонарем, который освещает воле путь, но сам его не прокладывает. Воля слепа и нуждается в поводыре, который сам по себе бессилён сделать хоть один шаг. Отношение воли к интеллекту можно сравнить со слепым, которые несет хромого на своих плечах.

Высшее благо человека, полагает Шопенгауэр, вслед за Гёте, это его личность, то есть то, что ему дала природа, что воплощено в его телесности, его ум и способности, которые он развил. Все остальное – чины, богатство, приобретенные в годы жизни, славу и величие в глазах окружающих – Шопенгауэр оценивает как ложные ориентиры счастья.

Главное понятие философии Шопенгауэра – Воля. Она многолика и вездесуща. Огромна ее роль в растительном царстве. Она воплощает здесь стремление, желание, бессознательное вожделение. Верхушка дерева тянется к свету, стремится постоянно расти только вертикально. Корень вожделеет влаги... Семя, брошенное в землю, пустит стебель вверх, а корень – вниз. Гриб пробивается через стену, цветок – сквозь асфальт. Все это – проявления Воли.

Иметь моральные заповеди хорошо. Но в жизни постоянно складываются запутанные, сложнейшие ситуации. Они не укладываются в

простейшие схемы, по которым можно выставить готовое решение, заимствованное из свода нравственных установлений. Шопенгауэр, Ницше и Кьеркегор, вопреки предшествующей традиции и морали, пришли к идее: нравственность не нуждается в общезначимых нормах. Данная мысль вызвала массу критических отзывов, некоторые философы и педагоги усмотрели в ней чуть ли не проповедь ценностного хаоса. Если нет устоявшихся правил, делай что хочешь...

Когда человек совершает плохой поступок, он вовсе не склонен относить это за счет собственных дурных свойств. Он сваливает вину на интеллект, заявляя, что не вполне обдумал свои поступки, проявил легкомыслие, глупость. Разве это имело бы место, если бы воля не была ядром человека? – спрашивает Шопенгауэр. Волю как единственно существенное в человеке, мы оберегаем, а и интеллект легко отдаем на поругание.

Музыку Шопенгауэр рассматривает как высшую из искусств, поскольку она имеет своей целью не воспроизведение идей, а непосредственное отношение самой «мировой воли». Музыка выражает квинтэссенцию жизни и ее событий. Она сообщает миру то высокое достоинство, которым она владеет как панацея всех наших страданий. Музыка силится говорить языком, который не есть ее собственный. Шопенгауэр полагал, что тот, кто даст верное и полное определение музыки, тот, следовательно, выразит и сущность человека.

Мы привыкли называть волей конкретное свойство человека – действовать сознательно и добиваться конкретной цели. Но у Шопенгауэра воля не принадлежит человеку. Она – основа мира, некое изначальное побуждение. Феномены всеобщей воли последовательно развертывают себя во времени. Они обнаруживают себя закономерно, в постоянных формах, в соответствии с теми неизменяющимися формами, которые Платон назвал Идеями. Так рождается вереница воплощений от элементарных существ до высших. Каждая ступень волевого феномена отстаивает свое право, что и порождает борьбу за существование.

На протяжении многих веков мораль предлагала человеку конкретные ориентиры поведения, нередко выраженные в житейской мудрости, философском обосновании, религиозном прозрении. Однако немецкий философ А. Шопенгауэр усомнился в том, что существуют обязательные нормы, без которых человеческое поведение невозможно оценивать как нравственное. Он создал новую традицию в этике, которая нашла своих последователей в лице Ф. Ницше, С. Кьеркегора, представителей философии жизни и экзистенциализма. Эти мыслители отвергли нормативность морали. Шопенгауэр полагал, что нет и не может быть в этике каких-то заведомых

установлений, законов, предписаний. Нравственный опыт каждого человека настолько уникален, самобытен, что его никак невозможно подвести под общую заповедь, норму, императив...

Никто не отрицает того неоспоримого факта, что человек испытывает удовлетворение от внешнего признания, от приобретения богатства. Но Шопенгауэр пытается выявить истинные корни счастливой жизни. По сравнению с истинными личными достоинствами – обширным умом или великим сердцем – все преимущества, доставляемые положением, хотя бы царственным богатством оказываются ничтожными. Глупца в роскошной мантии подавляет его жалкая пустота, тогда как высокий ум оживляет невзрачную обстановку. Все наслаждения и роскошь, воспринятые сознанием глупца, окажутся жалкими по сравнению с сознанием Сервантеса, пишущего в тесной тюрьме своего «Дон-Кихота».

Но дело не только в том, что человеку надлежит брать на себя моральную ответственность. Устранение нормы как обязательной догмы не могло не поставить вопрос о грандиозной переоценке ценностей. То, что прежде оценивалось как нечто безоговорочное, обязательное, сегодня стало по крайней мере сомнительным, требующим объяснения. Но именно такая критическая работа ума в истории морали часто вызывала шок и стремление изобличить того, кто подрывает устои.

Но может ли воляющее «я» быть одновременно и познающим «я». Пожалуй, в этом пункте и обнаруживается известная противоречивость позиции самого Шопенгауэра. Будучи рабом воли, интеллект обладает способностью познавать. Это дает ему известное преимущество перед волей. Порою он направляет волю. Но именно в этой несообразности, выступающей из рассуждений немецкого философа, и обнаруживается противоречивость человеческой природы. В человеке заложено несколько программ и наивно полагать, будто они соотнесены, гармонизированы в некоей сфере ума или воли. Напротив, уникальность человека проявляется именно в этой изначальной, «рассогласованности».

Но такой приговор опровергается самим шопенгауэровским осмыслением свободы воли. Она обнаруживается, по мнению немецкого философа, не в отдельных поступках и воплощениях воли, а в самой ее направленности. Конкретный индивид может быть эгоистом. В этом случае его действия, вполне естественно, пронизаны мотивами себялюбия. Но эмпирический характер может быть иным. Если человек перестанет быть эгоистом, окажется, допустим, альтруистом, принципиально другими станут и его поступки.

Однако действительно ли отрицание этических норм (антинорматизм) ведет к абсолютному ценностному разброду? Можно ли утверждать, что,

освобождая этику от норм, философы отвергли вместе с ней и нравственность? Опыт последних столетий показал, что это далеко не так. Напротив, именно полемически заостренное радикальное отвержение готовых предписаний для нравственного человека произвело настоящую революцию в этике, на многие десятилетия определив ее развитие. Если классический рационализм (т. е. вера в разум) наделял человека всепроникающим сознанием, которое помогало ему найти верный ориентир для собственных поступков, то новейшая философия XIX в. как раз лишала человека такой путеводной нити. Она вообще порождала крайне критическое отношение к любым предустановленным нравственным предписаниям.

Основываясь на Аристотеле, который в «Никомаховой этике» разделил блага человеческой жизни на три группы: внешние, духовные и телесные, Шопенгауэр разрабатывает собственное представление о том, из чего, вообще говоря, складывается различие в судьбах людей. Он развивает концепцию, которая стала основой для многих последующих, в том числе и современных истолкований человеческого бытия. Эти различия Шопенгауэр сводит к трем основным категориям:

Подлинной, глубоко скрытой сущностью мира является Воля. Кому она принадлежит? Никому. Она абсолютно свободна. Она представляет собой слепое, бессознательное стремление, исключаящее всякие цели, всякое достижение, всякое удовлетворение. Воля оказывается источником борьбы и несогласия, всепожирающая Воля движет мир изнутри. Что касается интеллекта, то он обслуживает Волю.

Вследствие природных свойств нашего интеллекта понятия должны образовываться путем отвлечения от наглядных представлений, причем последние должны предшествовать понятиям. Если дело действительно принимает такой оборот, как это бывает с теми, для кого личный опыт служит и учителем, и книгой, то человек прекрасно знает, какие наглядные представления подходят под каждое из его понятий и замещаются им: и те и другое он познает вполне отчетливо и приобретает правильную точку зрения на все происходящие перед ним явления. Такой путь можно назвать естественным воспитанием (Шопенгауэр, 2001).

Наоборот, при искусственном воспитании, путем подсказывания, обучения и чтения, голова начиняется понятиями прежде, чем имеется на лицо более или менее широкое знакомство с миром наглядным. А наглядные представления ко всем этим понятиям опыт должен будет составить лишь впоследствии: до той же поры понятия применяются ложно, и о вещах и людях образуется ложное суждение, ложный взгляд, ложное с ними обхождение. Таким образом, воспитание портит головы, и вследствие этого в юности после долгого учения и чтения мы вступаем в мир отчасти

простодушными, отчасти сбитыми с толку и ведем себя то боязливо, то высокомерно; ибо голова наша полна понятиями, которые мы стараемся теперь применять, но применяем их почти всегда неверно. Это является следствием того предыдущего¹, благодаря которому мы в противоположность естественному ходу нашего умственного развития сначала получаем понятия, а затем лишь наглядные представления, причем воспитатели, вместо того чтобы развивать у мальчика способность самостоятельно познавать, судить и мыслить, стараются лишь набить его голову чуждыми, готовыми мыслями. Впоследствии продолжительный опыт должен исправлять все эти суждения, созданные ложным применением понятий. Но очень редко это полностью удается. Поэтому лишь немногие ученые обладают здравым человеческим рассудком, который так часто встречается у совсем неученых людей.

Согласно вышесказанному, главное правило воспитания должно заключаться в том, чтобы ознакомление с миром, достижение чего мы можем назвать целью всякого воспитания, начиналось бы с надлежащего конца. А это, как было уже указано, главным образом опирается на то, что во всякой вещи наглядное представление предшествует понятию; далее, более узкое понятие предшествует более широкому, и, таким образом, все обучение совершается в таком порядке, как понятия вещей предполагают одно другое. Но лишь только в этом ряде будет сделан какой-нибудь скачок, как это поведет за собою недостаточные и значит, ложные понятия и наконец целое мировоззрение, искаженное на некоторый индивидуальный лад; с таким мировоззрением почти все и носятся продолжительное время, а большинство — и всю жизнь. Кто подвергнет испытанию себя самого, тот откроет, что истинное или ясное понимание некоторых очень простых вещей и отношений появилось у него лишь в очень зрелом возрасте, и иногда внезапно. Значит, в этом заключался неясный пункт его знакомства с миром, возникший вследствие скачка через предмет, при первоначальном воспитании, — было ли оно искусственным, через людей, или только естественным, посредством собственного опыта.

Поэтому надо стараться исследовать естественную последовательность накопленных знаний, чтобы затем методически знакомить по ней детей с вещами и отношениями мира, не допуская проникновения в голову пустых понятий, вздора, которые потом часто трудно бывает изгнать. При этом прежде всего следует остерегаться, чтобы дети не употребляли слов, с которыми у них не связано никаких ясных понятий².

¹ последующее вместо предыдущего; смешение основания и следствия (*греч.*).

² Уже у детей в большинстве случаев встречается несчастная склонность, вместо желания понять вещь, довольствоваться словами и учить их наизусть с целью, в случае

Но самое важное заключается в том, чтобы представление предшествовало понятиям, а не наоборот, что составляет обыкновенное, но и столь же печальное явление, как если бы дитя являлось в мир ногами наперед или как стих с рифмой в начале. В то время когда душа ребенка очень бедна наглядными представлениями, ему внушают уже понятия и суждения, вернее — сущие предрассудки: этот готовый аппарат применяют затем к интуиции и опыту, вместо того чтобы выводить из него интуицию и опыт.

Интуиция многостороння и богата, она не может сравниться по краткости и быстроте с абстрактным понятием, которое быстро все охватывает: поэтому исправление таких предвзятых понятий будет доведено ею до конца лишь впоследствии или же не будет никогда. Ибо какая бы сторона понятий ни оказалась в противоречии с интуицией, однако показание последней будет все равно сейчас же отвергаться как одностороннее, мало того, даже признаваться ложным, и глаза останутся закрытыми, лишь бы только не тронуть предвзятого понятия. Отсюда происходит то, что многие люди всю жизнь носятся с пустыми понятиями, грезами, химерами, плодами воображения и предрассудками, которые доходят до степени *idees fixes*. Такие люди никогда не пытались собственными силами вывести из интуиции и опыта основательные понятия, ибо им все было дано готовым; это-то и делает их, делает бесчисленное множество людей столь плоскими и пошлыми.

Итак, следовало бы вместо этого придерживаться в детстве естественного хода в развитии познания. Ни одно понятие не должно сообщаться иначе, как с помощью интуиции, по крайней мере, ему не нужно верить, не опираясь на последнюю. Тогда дитя имело бы немного понятий, но зато основательные и верные. Оно научилось бы применять к вещам свою собственную мерку, а не чужую. Ребенок избавился бы тогда от тысячи химер и предрассудков, на уничтожение которых при иных условиях должна будет пойти лучшая пора его последующего житейского опыта и жизненной школы; и дух его привык бы навсегда к основательности, ясности, собственному суждению и беспристрастности.

Вообще, дети должны познавать жизнь во всех ее проявлениях раньше по оригиналу, чем по копии. Вместо того чтобы спешить совать им в руки одни лишь книги, нужно постепенно знакомить их с вещами и с отношениями между людьми. Прежде всего нужно заботиться о том, чтобы привести детей к чистому постижению действительности, приучить их всегда черпать понятия непосредственно из реального мира и образовывать их, эти понятия, сообразно с действительностью, а не заимствовать их из каких-либо

нужды, прибегнуть к их помощи. Эта склонность остается впоследствии и делает то, что знание многих ученых заключается только в наборе слов.

иных источников, из книг, сказок или речей других, и затем уже применять их готовыми к действительности, которую они тогда, уже взрослые, с головою, полною химер, отчасти будут ложно понимать, отчасти тщетно будут стараться переделать по образцу своих химер, впадая таким образом то в теоретические, то в практические заблуждения. Ибо невероятно, как много вреда приносят рано укоренившиеся химеры и проистекающие из них предрассудки: последующее воспитание, которое дают нам мир и действительная жизнь, должно в таком случае уйти главным образом на искоренение этих химер. На этом обстоятельстве основывается ответ Антисфена, который приводит Диоген Лаэртский: "Interrogatus quoniam esset discipulus maxime necessaria, mala, inquit, dediscere"³.

Именно потому, что рано впитавшиеся заблуждения по большей части неистребимы, а способность суждения достигает зрелости позднее всего, нужно освободить детей до шестнадцатилетнего возраста от всяких наук, в которых возможны крупные заблуждения, т. е. от всякой философии, религии и всякого рода общих взглядов, и направлять их внимание лишь на такие науки, в которых или совсем невозможны ошибки, как в математике, или же ошибки мало опасны, как в языках, естествознании, истории и т. д.; вообще, в каждом возрасте следует изучать лишь такие науки, которые ему доступны и вполне понятны. Детство и отрочество — пора, удобная для собирания данных и специального, основательного изучения частных наук; напротив, от суждения в общем нужно тогда воздерживаться и отбрасывать конечные объяснения. Нужно оставить пока способность суждения, как предполагающую зрелость и опыт, в покое и остерегаться приходить ей на помощь, внушая предрассудки, ибо через то она навеки будет парализована.

Напротив, на развитие памяти, ввиду того, что в юности она обладает наибольшей силою и цепкостью, нужно преимущественно обращать внимание, однако с самым заботливым, основанным на тщательном размышлении выбором материала. Хорошо заученное в юности удерживается навсегда; поэтому нужно извлечь из этого драгоценного дара как можно больше пользы. Если мы припомним, как глубоко врезались в нашу память лица, которых мы знали в первые двенадцать лет своей жизни, как неизгладимо запечатлелись в ней также все происшествия того времени и вообще большая часть того, что мы в ту пору испытали, слышали, изучили, то вполне естественно будет мысль обосновать воспитание на этой восприимчивости и цепкости юной души, причем все воспринимаемые впечатления должны быть расположены строго методически и систематически, согласно с предписаниями и правилами. Но так как человеку

³ Когда его спросили, какая из наук самая необходимая, ответил: «Разучится дурному» (лат.).

дарованы лишь немногие годы юности и так как емкость памяти вообще, а тем более индивидуальной, всегда ограничена, то все внимание нужно обратить на то, чтобы наполнить память лишь наиболее существенным и важным в каждой области, исключив все лишнее. Такой выбор материала должен быть сделан по зрелому рассуждению наиболее выдающимися умами и знатоками каждой специальности, а результат этого выбора прочно установлен. Основная мысль такого выбора — как бы просеять то, что необходимо и важно знать человеку вообще и в каждом отдельном ремесле или специальности. Познания первого рода должны быть в свою очередь разделены на расширяемые постепенно курсы или энциклопедии — смотря по степени общего образования, какая предполагается у каждого лица согласно с его внешними обстоятельствами: начиная с курса, ограничивающегося существенно необходимым первоначальным обучением, и кончая совокупностью всех учебных предметов философского факультета. Выбор познаний второго рода опять-таки нужно предоставить истинным знатокам известной специальности. Все вместе образовало бы специально составленный канон интеллектуального воспитания, который, конечно, подлежал бы некоторой ревизии каждые 10 лет. Благодаря таким мерам юношеская сила памяти была бы использована с возможно большею выгодой, а развивающаяся позднее сила суждения получила бы превосходный материал.

Зрелость познания, т. е. та степень совершенства, до которой достигает познание у каждого человека, заключается в том, что между всеми абстрактными понятиями известного лица и его интуитивным пониманием устанавливается надлежащая связь, так что каждое из его понятий, непосредственно или косвенно, покоится на некотором интуитивном основании, и лишь тогда понятие получает реальную ценность, а, с другой стороны, каждое данное наглядное представление это лицо может правильно подвести под соответствующее понятие. Зрелость сама — дело опыта, и, следовательно, времени. Так как мы приобретаем свои интуитивные и абстрактные познания по большей части обособленно друг от друга, первые — естественным путем, вторые — путем хорошего или дурного обучения и от других лиц, то в юные года наблюдается по большей части мало соответствия и связи между нашими фиксированными в одних словах понятиями и нашим реальным, путем интуиции добытым познанием. Понятия и интуиция лишь постепенно сходятся и исправляют друг друга: но лишь тогда, когда они окончательно срастаются друг с другом, познание вступает в пору зрелости. Эта зрелость совершенно не зависит от большего или меньшего совершенства способностей каждого в иных отношениях, ибо

такое совершенство основывается не на связи между абстрактным и интуитивным познанием, а на степени интенсивности того и другого.

Самым необходимым занятием для человека практики является достижение точного и основательного познания того, что, в сущности, происходит в мире; в то же время это — и самое длительное занятие, ибо оно продолжается до глубокой старости, не приходя к завершению, тогда как в науках можно уже в юности постичь в совершенстве наиболее существенное. В познании первого рода мальчик и юноша должны, как новички, брать первые и наиболее трудные уроки; но часто даже зрелый человек имеет еще много что к ним прибавить. Это уже сама по себе значительная трудность дела еще удваивается романами, которые представляют ход вещей и человеческих поступков в не соответствующем действительности виде. Между тем такое изображение мира принимается со свойственным юности легковерием и внедряется в душу; почему на место чисто отрицательного незнания выступает целое сплетение ложных предположений, как положительное заблуждение, которое впоследствии мешает даже школе опыта и дает ее урокам фальшивое освещение. Если ранее юноша шел впотьмах, то теперь его еще сбивают с толку блуждающие огоньки; девушек часто — в еще большей степени. Романы внушают им совершенно ложное воззрение на жизнь и возбуждают такие ожидания, которые никогда не смогут сбыться. Это по большей части оказывает самое пагубное влияние на всю жизнь. Решительно в выигрыше оказываются в этом отношении те люди, которые в юности своей не имели ни времени, ни случая заниматься чтением романов, как, например, ремесленники и т. п. От этого упрека свободны лишь немногие романы, действующие, скорее, в противоположном смысле: например, и прежде всего, "Жиль-Блаз" и другие произведения Лесажа (или скорее их испанские оригиналы), далее также *Vicar of Wakefield* и частью романы Вальтера Скотта. "Дон-Кихота" можно рассматривать как сатирическое изображение именно того ложного пути, о котором говорится выше (Трубникова, 2001).

Список литературы:

Гуревич, П. С. (1990) Искусство счастья в этике Шопенгауэра // Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.

Трубникова, Н. Н. (2001) Об издании произведений А. Шопенгауэра в России // Шопенгауэр А. Собр. соч. в 6 тт. Т. 1. М.

Шопенгауэр, А. (2001) О воспитании // Шопенгауэр А. Собр. соч. в 6 тт. Т. 5. М. – С. 485-489.